

КОГДА ОН ПРИХОДИТ...

Мне нравится, когда он приходит в редакцию. Всегда подтянутый, элегантный, неизменно под ручку со своей природной интеллигентностью. По старой ответсекретарской или редакторской привычке заглянет в листы текущей верстки — чем тут собираетесь удивить народ; расскажет занятную историю, возьмет свежий номер — изучу на досуге; и протянет флешку — кое-что написал, посмотри, может, пригодится... Знаю, что никогда он не нагрянет по пустяшному поводу, потому что дорожит не только личной обязательностью, но и чужим временем.

Так вышло и теперь: «Это к 90-летию «Подъёма». Три очерка о самых значимых, на мой взгляд, редакторах журнала...» Смотрю тексты, как всегда идеально вычитанные, до последней точки выверенные, и думаю о том, что автор очерков о коллегах, Евгений Григорьевич Новичихин, наверное, в столь же высокой степени сам достоин здесь персонального упоминания. Ведь его более чем полувековое самозабвенное служение русской литературе уникально уже по факту. Но его богатство не только года, а то, что на этой стезе в любом избранном или выпавшем ему деле он доходил до совершенства, настойчиво вел свое слово от одной вершины к другой. Начинал как юморист, сатирик — получил приз «Золотые вилы» всесоюзного журнала «Крокодил»... Сочинил первую поэтическую азбуку для малышей — нашел свое место в ряду лучших детских писате-

лей страны... Увлёкся киносценариями — отмечен двумя лауреатскими дипломами Народного кинофестиваля России... Признанный даже за рубежом переводчик с греческого, украинского, литовского, ряда других языков...

Перечень званий и наград можно множить. Но при этом многие годы его душа и сердце принадлежали «Подъёму». Журналу были отданы самые чудные годы — с начала 70-х до «лихих» 90-х. И эти годы, дни за днями, мелькая, сплетались в множество ярких событий. Череда людей, приходящих, уходящих по редакционным коридорам, награждала неординарными судьбами, верными дружьями на всю жизнь. Им здорово повезло, что выпала дружба с Женей Новичихиным, потому что пройдет время и появятся строки и книги воспоминаний о них. Из более чем сорока фолиантов, изданных Новичихиным на сегодня, мемуарные книги «Ветры памяти», «Былого лики и черты», «Штрихи», «Вспоминалки», «Добрый молодцам урок» и многие другие сразу же стали бестселлерами. Их популярность породили вовсе не вычурность письма, не скабрёзности и прочая чернуха, которыми изобилуют нынче подобные публикации мало-мальски известных авторов. Напротив, книги Новичихина привлекают к себе душевностью автора, событийной честностью, добродушной улыбкой над житейскими и творческими причудами друзей-одноклассников. Доброжелательность и порядочность выгодно отличают Евгения Григорьевича и в жизни, и в письме. Он не против и над собой подтрунить, рассказывая байку из редакционных будней.

ПОДПИСЬ ПОД УКАЗОМ

По случаю юбилея журнал «Подъём» был награжден орденом «Знак Почета». Понятное дело, в очередном номере мы публиковали Указ о награждении. Я, тогда ответственный секретарь журнала, поставил текст Указа прямо на обложку. А на первой же странице должно было пойти поздравление коллективу редакции, подписанное секретарями обкомов партии пяти

областей Центрального Черноземья. Под Указом стояли, как обычно, подписи:

*«Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ»*

Прочитал я верстку Указа и поздравления, поправил ошибки и сдал материал в типографию. Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Линотипист отлил новые строчки, исправив ошибки, а верстальщица поставила их в текст. Строчки эти она, разумеется, не читала — да это и нелегко сделать в их зеркальном отображении на металле. Ориентируются при этом обычно лишь на первое слово строки. Короче говоря, выходит номер, а под Указом — подписи:

*«Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ
Секретарь Курского обкома КПСС
А. ГУДКОВ».*

Пришлось работникам типографии сдирать обложку с каждого экземпляра, чтобы поставить секретаря обкома на положенное место.

Нередко сквозь шутку проглядывают и невидимые читательскому миру редакторские слезы. Сколько в советские годы понатерпелся «Подъём» от цензоров обллита, словами не передать! Зато этим бдителям посвящена вот такая «вспоминалка» Евгения Григорьевича.

ТУНЯ

В одной из статей, публиковавшихся в «Подъёме», была фраза:

«В царской России природные богатства оставались втуне».

Цензор возмутился:

— Что за «туня»? Куда вы там, в редакции, смотрите?!

И собственноручно исправил: «в тундре».

Между этих строчек справедливому будет заметить, что Евгению Григорьевичу Новичихину «Подъём» благодарен не только за фантастический полумиллионный тираж в период его редакторства в конце 1980-х. Еще больше журнал обязан ему экономическим спасением в середине 1990-х, когда бывший редактор стал руководителем управления культуры Воронежской области.

Но особо мне вспоминается история, которую он рассказывал, когда речь заходила о детстве. В январе 1943 года фашисты-оккупанты уносили ноги из его родного села Верхнее Турово. От стрельбы и бомбежки местные женщины укрыли детей в погребе. В минуту боевого затишья Женина матушка вытащила его с братом на свет божий: «Пойдемте домой. Погибать — так всем вместе...» Спустя время, когда они ушли, пробежавший мимо гитлеровец бросил в погреб связку гранат. Все погибли... А Евгений Григорьевич до сих пор тревожится: «Что за

небесный промысел оставил его жить?.. Для чего?..» По-разному человек может ответить на такие вопросы. Сначала писатель рассказал о трагедии, написав очерк. Затем с помощью Нижнедевицкой районной администрации поставил мемориальный памятник на месте чудовищной гибели детей. Так личная боль стала чувством общественной памяти о лихой године. Недавно в «Подъёме» была опубликована повесть Новичихина «Жить долго», фабулой которой стали верхнетуровские события. А вскоре ему была присуждена Всероссийская литературная премия имени Евгения Ивановича Носова, прозаика-фронтовика, автора исключительной нравственной правды и совести.

Награда симптоматична. Ведь они близки не только именем, но, прежде всего, родственными, неравнодушными писательскими душами.

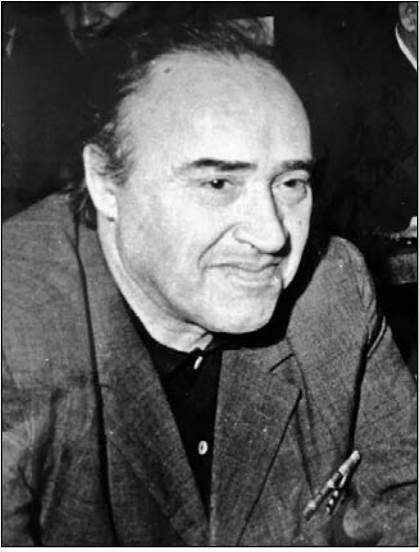
Владимир НОВОХАТСКИЙ

ЖИВШИЙ ПО ЗАКОНАМ ДОБРА. ФЕДОР ВОЛОХОВ

ВОЛОХОВ Федор Сергеевич (1912–1990) — писатель. Родился в селе Большегроцицкое Шебекинского района в семье фельдшера. В родном селе окончил школу крестьянской молодежи, а в 1935 г. — Воронежский сельскохозяйственный институт. Печататься начал в 1938 г., а в 1941 г. выпустил в Воронеже сборник рассказов «Кленовые листья». В 1956 г. в соавторстве с В.К. Карповым издал книгу исторических повестей «На Воронеже» — о строительстве русского флота в эпоху Петра I. Волохов — автор романа «Седой юноша», пьес «Мы пойдем дальше», «На заре нашей юности», «Соловьи, соловьи...», «Топор и крест». Многие годы он был главным редактором журнала «Подъём».

Из «Белгородской энциклопедии», 2000 г.

Несколько лет тому назад я получил письмо из Белгородского литературного музея. Меня просили оказать помощь в создании экспозиции, посвященной Федору Сергеевичу Волохову. Никаких материалов о земляке в музее не было: ни писем, ни фотографий, ни воспоминаний. Ничего, кроме старых номеров «Подъёма», главным редактором которого писатель был почти полтора десятка лет. После этого письма грустные мысли о том, какой зыбкой бывает память, долго меня не покидали. Федор Сергеевич Волохов относится к тому ряду литераторов, кого называют организаторами литературного процесса в Центральном Черноземье. Их немного, и никого уже нет с нами. Нет и многих тех, кто их знал, кто встречался с ними и может о них хоть что-то рассказать. Даже фотографий почти не осталось. Я, к примеру, не нашел почти ничего. Снял копию с автобиографии Федора

Федор Волохов

Сергеевича, хранящейся в его писательском деле и написанную им собственноручно. Отправил ее в Белгород. А желание написать о Волохове осталось со мной.

Федор Сергеевич Волохов даже внешне был человеком ярким. Одевался всегда модно, иногда просто вызывающе. Его цветастые галстуки запоминались всем. Многие обращали внимание на то, что внешность у Волохова была какая-то цыганско-молдавнская. Чернявый, с густыми бровями, он смахивал чем-то на известного певца Николая Сличенко. Поневоле вспоминалось, что в старину влахом или волохом называли румына или молдаванина. Специалисты по этимологии фамилий считают, что прозвище «Влах» или «Волох» мог получить «человек, или какое-то время живший в тех краях, или же внешне похожий на молдаванина. А его дети стали Влаховы или Волоховы».

Вероятно, дальние предки Волохова действительно жили «в тех краях». Но родился Федор Сергеевич в нашем Черноземье — в селе Большетроицкое Новооскольского уезда Курской губернии, в семье фельдшера. Ныне это село относится к Шебекинскому району Белгородской области (вот почему в Белгороде и возникла мысль создать музейную экспозицию о Волохове). В своем Большетроицком будущий писатель окончил крестьянскую школу, а в 1935 году — агрономический факультет Воронежского сельскохозяйственного института. А потом была работа в Сибири. Вот как рассказывал о том времени сам Федор Сергеевич в изложении Юрия Даниловича Гончарова (см. воспоминания Ю.Д. Гончарова «Лишь слову жизнь дана», опубликованные журналом «Подъём», 2001, № 7):

«Я агроном, окончил Воронежский сельхозинститут — и сразу же прямым ходом в Сибирь, составлять почвенные карты. Места там изумительные, просторы немерянные, полным-полно всяких чудес. Одно из чудес такое было: зарплату экспедиционникам не рублями бумажными платили, а золотым песком. Не было почему-то бумажек. Зато кругом прииски, паровые драги пыhtят, намывают золото. Приезжает в отряд кассир выдавать зарплату, расписываешься — и тебе с аптечных весов несколько крупинок. По государственному курсу. Появились в местном банке нормальные бумажные деньги — можешь прийти, обменять на бумажки. Но я не обменивал, все время в поле, с рабочими, до районного центра, до банка далеко, питался из общего котла, что повариха сочинит — то и ладно, на курево, по местному способу, листья и траву сушили. Так что денег на себя мне и не требовалось. Крупины копилась, копилась — и накопился полный наперсток. А тут как раз и экспедиции конец. Задание выполнено, можно в свои края возвращаться. Еду. Вид у меня — ну, точно бродяга с Сахалина: борода на полгруды, копна волос на голове, — нарочно не стригусь, не бреюсь, чтоб родичей посильней удивить. В Свердловске делаю остановку. Там «Торгсин» знаменитый, вся Сибирь о нем говорит. Предъявляю в «Торгсине» свой наперсток, от силы час, полтора — и вот я обут, одет с головы до ног, как и не снилось. И еще чуча всякого мелкого добра:

носки, подтяжки, носовых платков дюжина... И даже еще от моего наперстка остаток — сколько-то десятых грамма. На что их истратить? А вот на что: покупки же надо обмыть!»

Вот, оказывается, откуда у Волохова был вкус к модной одежде!

Печататься в прессе он начал с 1936 года в газете «Коммуна». Это были рассказы. «С тех пор жанр рассказа, — говорится в биобиблиографическом справочнике «Воронежские писатели» (1980 г.), — становится характерным для его творчества. Тематический диапазон волоховских произведений довольно широк. Действие рассказов разворачивается в колхозном селе, в заводских цехах, в семейно-бытовой сфере. Героям Федора Волохова, нашим современникам, свойственны активное отношение к жизни, высокий нравственный потенциал». Они жили «по закону добра и красоты» — именно так называется одна из многочисленных рецензий на произведения писателя.

Его быстро заметили и в 1938 году пригласили в редакцию газеты «Молодой коммунар» на должность заведующего отделом. Тогда же, в 1938-м, в 3-м номере альманаха «Литературный Воронеж» появилось одно из первых его художественных произведений — рассказ «В больнице». До Великой Отечественной он успел опубликовать в альманахе еще несколько произведений: этюд «Травушка-муравушка», рассказы «Журавли», «Глебушка». «Кленовые листья», «Однажды вечером», «Счастье», «Лед тронулся», «Леший». Последние два рассказа появились в «Литературном Воронеже» накануне войны — во 2-м номере за 1941 год. К тому времени, с 1940 года, их автор работал уже ответственным секретарем редакции альманаха. Отсюда же и ушел на войну. А перед войной, в 1941-м, в Воронежском книжном издательстве вышла его первая книга рассказов «Кленовые листья». Интересно рассказал о своих юношеских впечатлениях об этой книге уже названный выше Ю.Д. Гончаров:

«Она меня восхитила. Прежде всего — язык. Самые обычные, употребляемые в обыкновенной человеческой речи слова, короткие, несложные, почти без придаточных предложений фразы, никакой вроде бы «художественности» — а как все зримо, явственно, так и встает перед глазами, сколько истинной художественности — без видимого стремления к ней... Точность, четкость всех подробностей, ни одного лишнего, ненужного слова — совсем как у Чехова. И такие же, как у Чехова, простые, естественные сюжеты. Просто эпизоды, сцены из той будничной жизни, что вокруг, без всяких дополнительных придумок. И каждая такая незамысловатая история, потому что жизненна, узнаешь в ней то, что видел сам, да не вгляделся со вниманием, не вдумался, глубоко трогает, даже щемит сердце. Хотя бы вот этот рассказ про старика, колхозного пасечника Парфена, с которого начинается книга. Вся жизнь Парфена прошла в работе. Лежать в больнице не приходилось никогда. Всеми своими чувствами, помыслами стремится он из больничных стен на волю, думает о пасеке, оставшейся без хозяина, как пойдет он косить в луга новой косой, она куплена им еще весной, только ее отточить да приладить на рукоятку... Но не вернуться Парфену к своим пчелам, не косить ему молодую, сочную траву, — умирает он в больнице... Восхищение нисколько не пригасло во мне, даже когда я перечитал «Кленовые листья» во второй раз...».

Правда, Юрий Данилович тут же оговаривается:

«Простое соображение, которое должно было сразу же прийти мне в голову — что ярко, зримо, выпукло, как у Чехова, у автора «Кленовых листьев» именно потому, что он след в след, вплотную идет за Чеховым, повторяет его приемы, простоту языка, бытовую несложность его сюжетов — по тогдашне-

му моему зеленому мальчишеству, неумению без эмоций, вызванных чтением, спокойно подумать над страницами, трезво их оценить, и тенью не мелькнуло тогда в моей голове...»

Но давайте будем откровенны: учителя есть и должны быть у каждого писателя — у кого-то хорошие, у кого-то похуже. В первых книгах они обязательно присутствуют — иногда зримо, иногда незримо. У Волохова был учитель прекрасный! И нет ничего зазорного в том, что молодой писатель входил в литературу «вплотную за Чеховым».

Федор Сергеевич прошел с боями путь от Воронежа до Вены. Награжденный боевыми наградами, он был демобилизован только в 1948-м. Возвратился в Воронеж, стал работать здесь заведующим отделом литературы и искусства редакции газеты «Коммуна». Газетная работа отнимала много времени, но и с литературой он не расставался. Уже в следующем году, в 3-м номере альманаха «Литературный Воронеж» появляется его рассказ «В предраассветный час». В 1954 году в Воронеже вышла в свет новая книга его рассказов «Не шуми ты, рожь...», а в 1955-м отдельным изданием выпущен рассказ «Леший». В том же году Волохов был принят в Союз писателей СССР.

Интерес к историческим событиям петровской эпохи тоже привлекал писателя. В 1956 году была издана его повесть «На Воронеже» (написана совместно с В.В. Карповым), рассказывающая о создании Петром I русского военно-морского флота. К этой теме он еще возвратится, когда будет работать над пьесой «Топор и крест». Уже в следующем, 1957 году вышел из печати сборник его рассказов «Неприметный человек».

В том же году в Воронеже возобновляется выход журнала «Подъём». В 1957–1958 годах его главным редактором был Максим Михайлович Подобедов, затем, на столь же короткое время, — Константин Петрович Локотков. А Федор Сергеевич Волохов в 1958–1959 годах работает собственным корреспондентом российской газеты «Литература и жизнь». В декабре 1959 года ему было предложено возглавить журнал. Он был его главным редактором почти полтора десятка лет!

Один из современных исследователей истории журнала пишет:

«...лучшие годы «Подъёма», на мой взгляд, — это шестидесятые. Период, когда журнал редактировал Федор Сергеевич Волохов. Прекрасный стилист (его рассказы и сегодня отличаются пластичным, музыкальным языком), фронтовик, он иногда мог себе позволить принципиальность. В его бытность в журнале начали печататься А. Жигулин, А. Прасолов, П. Мелехин, были возвращены читателю О. Мандельштам и А. Платонов. Но даже не это главное — у каждого из редакторов журнала были свои удачные публикации. Особенным же «волоховский период» «Подъёма» делают два обстоятельства, которых, пожалуй, не было у других руководителей журнала. Во-первых, именно в те годы в журнале были напечатаны самые пронзительные военные повести Юрия Гончарова («Дезертир» и «Неудача»). В них писатель-фронтовик одним из первых в отечественной литературе заговорил о странной войне, в которой вроде бы сражаешься за правое дело, но тебя со всех сторон окружают враги: и по ту сторону фронта, и по эту. (Обе повести были раскритикованы на закрытом заседании ЦК).

И во-вторых... Ю.Н. Тынянов, литературный вкус которого безупречен, говорил, что «основная жизнь журнала всегда в критике и полемике... журнал без критики невозможен». Так вот, именно в шестидесятые в «Подъёме» появилась яркая, увлекательная, убедительная критика, которой неожиданно стали интересны не столько даже литературные герои, сколько анализ человечес-

ких типов, показанных в книгах и на сцене. Принцип исследования социальной реальности на основе литературы и театра присутствовал тогда в критических статьях В. Скобелева, А. Ботниковой, Б. Кормана, А. Немировского, А. Абрамова, И. Ростовцевой, О. Ласунского, В. Свительского, В. Гусева, Л. Кройчика, В. Семенова и многих других авторов...»

Позволю себе слегка возразить автору этой оценки. Вряд ли следует судить о работе главного редактора журнала по именам тех, кто начал печататься «в его бытность». И Жигулин, и Прасолов, и Мелехин, и Гончаров стали бы публиковаться в «Подъёме», будь тогда на месте Волохова любой другой главный редактор: просто пришло их время. Пришло время и возвращать читателю О. Мандельштама. Что касается Андрея Платонова, то его произведения публиковались в журнале в основном не при Волохове, а гораздо позднее. При нем был опубликован лишь маленький платоновский рассказ «Сергея и я», который для писателя совсем не характерен.

Руководителя журнала, на мой взгляд, следует оценивать не по отдельным именам (у каждого из редакторов действительно были свои удачные публикации), а по общей направленности издания, по его, если можно так выразиться, «суммарному» художественному уровню. При Федоре Сергеевиче Волохове этот уровень был достаточно высок — с этим, конечно, поспорить невозможно.

Нельзя не сказать и о том, что у Волохова (и это тоже его заслуга!) были очень хорошие помощники. Отделом поэзии «Подъёма» в 1957–1967 годах руководил замечательный русский поэт Владимир Гордейчев. Отдел прозы журнала в 1970–1973 годах возглавлял великолепный прозаик, будущий лауреат Государственной премии России Юрий Гончаров. А отдел критики с 1958 по 1974 годы был в руках известного театрального и литературного критика Зиновия Анчиполовского. Эти три имени, прямо скажем, говорят сами за себя!

Конечно, у Федора Волохова как главного редактора не было таких проблем, которые появились у журнала позднее, при его последователях по руководству «Подъёмом». Безусловно, были острые разногласия с цензурой, из-за которых выход журнала постоянно задерживался. Но о так называемой «экономической цензуре» в ту пору никто и понятия не имел. О финансовых вопросах можно было не беспокоиться, потому что журнал финансировался из бюджета. Проблем тиража тоже не стояло: он был заранее определен партийными органами и ежегодно составлял не менее десяти тысяч экземпляров. Плюй себе в потолок, не зная никаких забот! Временами Федор Сергеевич так и делал. Неделями не приходил на работу, оставляя все дела на своего заместителя Александра Ивановича Гридчина — опытного журналиста и надежного человека. Но впоследствии, в 1973 году, когда на бюро обкома КПСС обсуждалось персональное дело Волохова, все эти, мягко говоря, «причуды» вышли ему боком. Вскоре на посту главного редактора Волохова сменил Виктор Михайлович Попов.

Возглавляя «Подъём», Федор Сергеевич не забывал и о своих личных творческих замыслах и планах. В 1959-м, 1961-м и 1964 годах вышли отдельными книжками его рассказы «Зимняя сказка», «Дедушкина сказка» и «Ракета взлетит». В 1964-м появилась книга повестей и рассказов «Всюду жизнь». В 1968-м было издано одно из самых ярких его произведений — роман «Седой юноша», в центре которого революционная борьба с самодержавием, а в 1972-м — автобиографическая повесть «Годовые кольца», которую, как писали критики, пронизывала «мягкая лирическая интонация».

Уже после работы в «Подъёме», в 1979-м, вниманию читателей была предложена новая книга повестей и рассказов Волохова «Старый друг».

Активно он работал и в жанре драматургии. Его перу принадлежат пьесы «Мы пойдем дальше» (1951), «На заре нашей юности» (1958), «Соловьи, соловьи...»

лувека тому назад, в 1963 году. Попался мне тогда в руки сборник стихов липецких поэтов «Рукопожатие». Взял я, да и написал на него рецензию. Занес в редакцию — без всякой надежды на успех, отдал в руки самому Федору Сергеевичу. И вдруг в 6-м номере журнала за этот же год моя рецензия появляется. Несколько позднее я стал приходить на заседания литературного объединения при Воронежской писательской организации. Им руководил в ту пору Владимир Григорьевич Гордейчев. Кажется, именно он и познакомил меня с Волоховым ближе. Неожиданно для меня Федор Сергеевич вспомнил мою рецензию.

— У тебя есть чувство слова, — сказал он.

Эта похвала так меня окрылила, что с тех пор моя творческая судьба неразрывно связана с «Подъёмом».

О доброжелательности Федора Сергеевича красноречиво говорит и история о его игре в шахматы с Гавриилом Николаевичем Троепольским. О ней писатели старшего поколения с улыбкой вспоминают до сих пор. Троепольский — это всем было известно — любил сыграть партию-другую с кем-нибудь из коллег по перу. Почти каждому воронежскому писателю того времени, умевшему хотя бы переставлять шахматные фигуры, приходилось сидеть с Троепольским за шахматной доской. Но Гавриил Николаевич не любил проигрывать. Понимая, что игра складывается не в его пользу, он начинал нервничать, а иногда даже выходить из себя. Зная об этом, большинство из нас старались сознательно избежать выигрыша, делая в какой-то момент вид, что зевнули фигуру. В результате партия заканчивалась вничью, и это устраивало обе стороны. Правда, сделать ничью иногда тоже — большое искусство. Помнится, этим искусством в совершенстве владел только Станислав Никулин.

Как-то Троепольский встретился за шахматной доской с Волоховым. Партия оказалась для Гавриила Николаевича неудачной, а Федор Сергеевич то ли не знал о вспыльчивости Троепольского в случае проигрыша, то ли просто не захотел уступать. Поняв, что мат неизбежен, Гавриил Николаевич с досады смахнул фигуры с доски и, хлопнув дверью, ушел домой. Федор Волохов тоже уходил расстроенным: получается, что он невольно обидел человека. По пути домой (а жил он в районе Петровского спуска) Федор Сергеевич зашел на главпочтамт и отправил Троепольскому телеграмму.

Глубокой ночью в квартиру Троепольского позвонили:

— Вам срочная телеграмма!

Сам Троепольский рассказывал, что в это время у него тяжело болела родственница, жившая, кажется, в Тамбовской области. Понятно, что Гавриил Николаевич забеспокоился. Дрожащей рукой он взял телеграмму в руки и прочитал: «Согласен на ничью. Волохов».

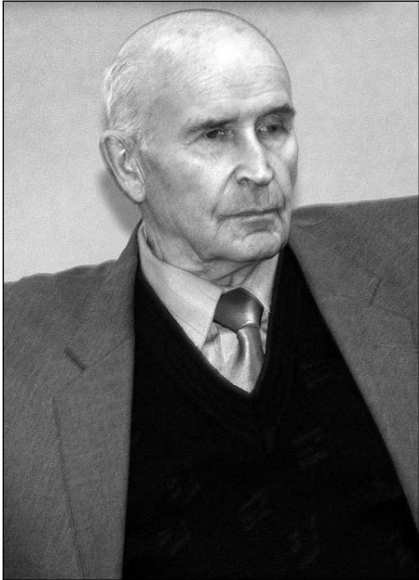
Обычно об этом эпизоде заходит речь, когда вспоминают о Троепольском. Но, согласитесь, личность Федора Сергеевича Волохова в этой истории выглядит не менее ярко. Ну не мог он, никак не мог допустить, чтобы человек переживал из-за его оплошки!

...Волохов ушел из жизни неожиданно для всех, в 78 лет. Умер внезапно, на кухне собственной квартиры. Он еще выглядел полным сил, много работал. В некрологе, подписанном руководителями области и известными деятелями культуры Воронежа, говорилось: «Даровитый писатель, общественный деятель, доброжелательный и неравнодушный человек, участливо заботившийся о судьбах старших и младших товарищей по литературе, о культуре родного края, — таким останется Федор Сергеевич в благодарной памяти всех, кто его знал».

После смерти Волохова его книги не выходили ни разу.

Память, как я уже сказал, бывает слишком зыбкой...

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВЫУЧКА ВИКТОРА ПОПОВА

Виктор Попов

ПОПОВ Виктор Михайлович (р. 25.11.1926, с. Танцыреи Борисоглебского у. Тамбовской губ.), прозаик, драматург, чл. Союза писателей СССР (1970), заслуженный работник культуры РСФСР (1981), почетный железнодорожник, лауреат воронежской областной премии им. А.П. Платонова (1999), премии ЮВЖД им. А.П. Платонова (1999), премии им. В.М. Шукшина (Вологда, 2006), призер литературных конкурсов журнала «Наш современник» и газеты «Гудок». Окончил Борисоглебский лесной техникум (1944), Всесоюзный заочный лесотехнический институт (Ленинград, 1954). Работал в г. Ивдель Свердловской обл. (1944–1948). Около 30 лет отдал работе на ЮВЖД: специалист по лесозащитным насаждениям, начальник путеизмерительного вагона, сотрудник газеты «Вперед», сборкор газеты «Гудок». Главный редактор журнала

«Подъём» (1973–1988). Председатель правления Воронежской организации СПР (1995–2007). Секретарь правления СПР (с 1995). Печатается с 1951 г. Автор книг романов, повестей, рассказов, в т.ч.: «Я вижу небо» (Воронеж, 1958), «Циклон» (Воронеж, 1969), «Живая защита» (Москва, 1979, 1983), «Один выстрел во время войны» (Москва, 1986; Воронеж, 1994), «Глухой неведомой тайгой» (Воронеж, 1998), «Туман», Воронеж, 2001), «Кокон» (Воронеж, 2006), «Одинокое счастье» (Воронеж, 2007).

Из «Воронежской энциклопедии», 2008 г.

В конце 1950-х годов в подмосковной Малеевке проводилось первое Всесоюзное совещание молодых писателей-рассказчиков. Работой творческих семинаров руководили признанные мастера слова. Именно это совещание открыло целый ряд имен, которые впоследствии весомо зазвучали в русской литературе. Это были имена Виктора Астафьева, Глеба Горышина и других прозаиков, без которых уже трудно себе представить отечественную литературу XX столетия. В семинаре, которым руководил Гавриил Николаевич Троепольский, было высоко отмечено творчество молодого воронежца Виктора Попова. В годы, когда Виктор Михайлович Попов и сам уже был известен далеко за пределами Воронежа, мне не раз приходилось слышать от Троепольского: «Попов — мой лучший ученик». Гавриил Николаевич произносил это с неизменной гордостью и с уверенностью в том, что ученик никогда его не подведет.

Разумеется, творческая манера Виктора Михайловича Попова серьезно отличалась от манеры литературного наставника. Но в чем Попов повторил Троепольского, так в одном определенно: и в зрелые годы он всегда был среди творческой молодежи. А она, молодежь, в свою очередь, платила ему уважением, тянулась к нему, видя в нем и умудренного писательским опытом советчика, и надежного друга — одновременно.

Когда задумываешься над тем, какое место занял Виктор Попов в воронежской литературе, нельзя найти для ответа лучшего слова, чем тривиальное: «особое».

Место это и впрямь необычное. Если бы по воле критиков наряду с понятиями «деревенская проза», «военная проза», «городской роман» и тому подобное существовало бы и столь же условное понятие «железнодорожная проза» (а почему бы и нет, если издавна железная дорога в России — огромное государство в государстве?), то на этой литературной площадке Виктор Михайлович был бы не просто заметной фигурой. Он был бы безусловным лидером, а нередко — и единственным представителем своеобразного тематического направления. «Дорогой ценой», «Железо из земли», «Живая защита», «Встречные поезда», «Один выстрел во время войны» — в этих и во многих других романах, повестях, рассказах писатель предстает как глубокий знаток жизни железнодорожников. Эта жизнь долгое время была и его собственной.

Немало лет Виктор Михайлович проработал специалистом системы Юго-Восточной железной дороги, сотрудником ведомственной газеты «Вперед», собственным корреспондентом знаменитого «Гудка». На скорых, пассажирских да пригородных поездах исколесил всю Россию. Заслужил звание «Почетного железнодорожника». Проблемы железной дороги были ему настолько близки, что его глаза всегда загорались молодым блеском, когда о них шла речь.

В то же время творчество Виктора Попова — яркий пример того, что деление литературы по тематическим признакам — не только из ряда условностей, но и разряда тех отправных точек, от которых начинается весьма однобокое представление о том или ином авторе. В одном из биобиблиографических справочников о нем написано: «...вносит в книги дыхание нашего века технической революции. Но произведение не поглощает его персонажей целиком. Их судьбы разворачиваются на широком психологическом фоне, в борении живых человеческих страстей». Верная по сути, оценка эта ограничивает творчество Попова определенными рамками. Между тем писатель не раз показывал, что его творческие возможности шире любых рамок. В конце 60-х годов он написал, например, одно из лучших своих произведений — повесть «Циклон», рассказывающую о первых шагах советской власти в одном из уездных городов Центрального Черноземья. Созданная под влиянием Андрея Платонова, но основанная на документальных материалах, повесть эта, давно не переиздававшаяся, может оказаться в числе тех произведений, по которым станут изучать то сложное время.

Из ряда привычных представлений о писателе выходит и роман-памфлет «Дни покоя», переизданный позднее Воениздатом под названием «Взрыв». Извечные темы войны и мира, гуманизма и антигуманизма, противостояния добра и зла нашли в этом произведении достойное воплощение.

А еще Виктор Попов — глубокий лирик, о чем свидетельствуют многочисленные его рассказы.

Писатель прошел большую жизненную школу. Его малая родина — село Танцереи Борисоглебского района Воронежской области. Окончив здесь сельскую семилетку, а после войны — Борисоглебский лесной техникум, он работал на Северном Урале. Прежде чем прийти на железную дорогу, учился во Всесоюзном заочном лесотехническом институте (Ленинград), служил в армии. Печатления о работе на Севере легли в основу целого ряда рассказов. Первый из них был напечатан в начале 50-х годов в «Молодом коммунаре». А через семь лет в Воронеже вышла и первая книжка рассказов «Я вижу небо».

К жанру рассказа писатель обращался, время от времени, до самого конца своей жизни. Но наибольшую известность ему принесли все же повести и романы. В каждой из его книг — свое время, свои проблемы, разные людские судьбы и характеры. И лишь одно в них неизменно: произведения Попова всегда были на тех рубежах, где шла борьба за человеческие души. Учитывая, что по первой своей

профессии Виктор Михайлович — инженер, очень соблазнительно было бы обыграть здесь известную фразу об «инженерах человеческих душ». Однако в литературном деле Виктор Михайлович Попов стал, по сути, не инженером, а врачом-терапевтом.

Борьбе за человеческие души писатель посвятил не только свое творчество, но и всю свою многогранную общественную деятельность. Широкой литературной общественности он был известен как человек, возглавивший журнал «Подъём» в годы, когда с этим журналом связано появление заметных литературных имен, серьезных работ в прозе, критике, публицистике. Возглавляя в течение ряда лет Воронежское отделение Советского фонда мира, писатель инициативно и, я бы сказал, преданно служил этому благородному делу.

В марте 1995 года воронежские писатели доверили ему возглавить свою организацию — одну из крупнейших в России. Время было нелегкое. По моим наблюдениям, в русской провинции в наихудшем положении литераторы оказались там, где в писательских организациях произошел раскол. Местные администрации, которые по логике должны поддерживать всех писателей, независимо от принадлежности их к тому или другому творческому Союзу, увидели в расколе моральное право не поддерживать никого. Тем более — в условиях хронического недостатка средств. Именно в таком положении оказались в свое время писатели Воронежа. Но Виктор Михайлович ходил по высоким кабинетам, просил, убеждал, настаивал. И добивался результатов. В неимоверно трудных условиях организация продолжала жить, работать. Хотя и редко, но выходили новые книги. Попов стал одним из инициаторов учреждения литературной премии имени Андрея Платонова, которой в течение нескольких лет отмечались наиболее значительные достижения авторов-земляков. Не заглохли и Кольцовско-Никитинские дни литературы, каждую осень проходившие в городе. Гораздо скромнее проводились, но все-таки жили.

Его, даже в годы, когда он был уже далеко не молод, можно было постоянно видеть то на заводе, то в школе, то в клубе, то в студенческой аудитории, где звучало устное слово писателя в защиту русской культуры, родного языка, нравственности. Он неизменно избирался в состав руководящих органов Союза писателей России, а в последние годы жизни активно работал членом приемной комиссии Союза, находясь у самых истоков, самых родников будущего русской литературы.

В своем посвящении ему я когда-то написал:

Его то Крым,
То Сахалин влечет.
Вернется — смотришь,
Вновь рванул из дома!
То юбилей,
То творческий отчет,
То осаждают авторы «Подъёма».
Короче, даже дня покоя нет.
И просто удивительно такое:
Ну, где он только
Выкопал сюжет
Для своего романа
«Дни покоя»?

Не знаю, удалось ли мне показать в этих строчках, насколько он был энергичным. Но именно таким он оставался всегда.

Однажды — было это в моем присутствии — Виктор Михайлович подарил Сергею Владимировичу Михалкову свой роман «Один выстрел во время войны».

Взглянув на заглавие, Михалков, который, как известно, был горазд на шутки-экспромты, спросил:

— А на второй выстрел пороху не хватило?

Хватило. Литературных «выстрелов» в виде книг у Попова более двух десятков. Во многих из них снова и снова звучала тема железной дороги.

Судьба распорядилась так, что я дважды становился его преемником: в 1988 году — на посту главного редактора журнала, в 2007-м — на посту председателя правления Воронежского отделения Союза писателей России. Уходу Виктора Михайловича с редакторского поста предшествовала кампания, развязанная некоторыми его «доброжелателями». Ему вменялось в вину, что он печатает авторов-чужаков, а писателям-воронежцам в публикации их произведений отказывает. По правде говоря, уровень произведений «доброжелателей» был таков, что печатать их было невозможно. Но обком КПСС — вольно или невольно — сам спровоцировал эту кампанию, приняв несколькими годами раньше постановление, фактически запрещающее редакции публиковать иногородних авторов. Контролировать выполнение постановления было поручено управлению по охране авторских прав, хотя в его прямые обязанности это, разумеется, не входило. Каждый раз, представляя в это управление верстку очередного номера, редакция должна была представлять и адреса всех авторов. Доходило до курьезов. К примеру, когда «Подъём» планировал опубликовать «Ювенильное море» Андрея Платонова, управление попросило отдел культуры обкома принять окончательное решение по этой публикации. А там, в отделе культуры, Попову задали вопрос: «А где он, этот Платонов, сейчас живет?». Курьезов таких было немало и, в конце концов, в обкоме поняли, что вмешиваются не в свое дело. Но формально постановление продолжало действовать, его никто не отменял. «Доброжелатели» воспользовались этим. Попову трепали нервы проверки, а потом предложили подать заявление об уходе. Новым главным редактором секретариат правления Союза писателей России утвердил меня.

Хорошо известно, что отношения между предшественниками и преемниками складываются сплошь и рядом сложно. Вряд ли Виктор Михайлович спокойно относился к тому, что я, став главным редактором, приступил к решительным преобразованиям. Обновил состав редколлегии, не включив в него Попова, поскольку отдел культуры обкома не рекомендовал этого делать — во избежание новой активности «доброжелателей». Обновил и состав авторов, потому что приближались нелегкие для редакции дни, когда она должна была жить не на бюджетные, а на собственные средства. Отказался от бесконечных юбилейных славословий на страницах «Подъёма», чтобы журнал не превратился в своеобразный литературный календарь. Первым «пострадавшим» стал ученый Дмитрий Лаппо, который был при Попове членом редколлегии и дружил с ним. Приближался его юбилей, отдел критики сдал в очередной номер большой очерк о нем, а я его своей редакторской волей снял. Лаппо обиделся и даже опубликовал в одной из газет письмо, в котором выразил сомнения в правомерности моего назначения главным редактором. Коллектив редакции журнала поднялся на мою защиту, опубликовав свое письмо в той же газете. На этом инцидент был исчерпан. Разумеется, Виктор Михайлович знал обо всем этом. Но на нашу многолетнюю дружбу с ним это никак не повлияло, и я это очень ценил.

Примерно такая же ситуация сложилась в 2007 году, когда я сменил его на посту председателя правления писательской организации. Тем не менее, наша с ним дружба продолжалась до самых последних дней его жизни.

РАДЕТЕЛЬ РУССКОГО СЛОВА. ИВАН ЕВСЕЕНКО

Иван Евсеенко

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович (2.8.1943, Украина, с. Займище Щорского р-на Черниговской обл.) — прозаик. Евсеенко работал учителем в сельских школах, литсотрудником районной газеты, служил в армии (1962–1965) в ракетных войсках стратегического назначения, учился в Курском педагогическом институте. В 1973 г. окончил Литературный институт им. М. Горького (семинар С. Залыгина). Член Союза писателей СССР с 1976 г. С 1973-го по 1997 год заведовал отделом прозы в литературно-художественном журнале «Подъём» (г. Воронеж), с 1997 г. — главный редактор этого журнала... Евсеенко — писатель многоплановый. Отдав дань сатирико-эпическому направлению в своем творчестве, «смеху сквозь слезы», он в то же время пишет

целый ряд рассказов и повестей в совершенно иной, традиционно-спокойной повествовательной манере, все больше уделяя внимания религиозно-философским поискам. Он определяет православие как основу души русского человека... Евсеенко — лауреат литературных премий: Воронежского комсомола им. Василия Кубанева (1978), им. И. Бунина (1995), им. А. Платонова (1999), премии «Роман-газеты» «Образ» (2002), премии Олимпийского комитета РФ (1994) и др. Заслуженный работник культуры РФ (1999).

Из библиографического словаря «Русская литература XX века», 2005 г.

«Вот и настало время воспоминаний. В молодые годы никому из нас не дано предвидеть своих жизненных пределов, не дано знать, кто первым уйдет в мир иной, а кому придется в одиночестве печалиться и скорбеть об ушедших друзьях, которые, возможно, были достойны более длинной жизни, чем твоя собственная. Но коль судьба отнеслась к тебе столь милостиво, то, отложив все другие дела и заботы, сядь и напиши об ушедших все, что ты о них знал, что запомнил. За это тебе потом воздастся: может, кто-то еще, более долговечный, чем ты, и о тебе вспомнит добрым, непредвзятым словом».

Так начинаются воспоминания Ивана Ивановича Евсеенко о Литинституте, о своем литературном учителе Сергее Павловиче Залыгине. А теперь пришло время вспомнить и о нем самом — большом русском писателе, моем давнем и хорошем друге Иване Евсеенко. Говоря его словами, я оказался «более долговечным», чем он, хоть он и моложе меня.

Наша с ним дружба началась в 1973 году. Именно тогда я был приглашен новым главным редактором журнала «Подъём» Виктором Михайловичем Поповым на должность редактора отдела поэзии и публицистики. Работу начал в марте. Напротив моего стола в рабочем кабинете редакции стоял стол редактора отдела прозы. Его занимал известный писатель Юрий Данилович Гончаров. Но он уже подал заявление об уходе, наводил порядок в ящиках, забитых рукописями, и со свойственными ему нотками нытья без конца убеждал меня:

— Женя, ничего хорошего здесь сделать невозможно... Не дадут ни обком, ни цензура...

В эти же дни Виктор Михайлович Попов собрал коллектив редакции, чтобы посоветоваться: кого назначить вместо Гончарова? Я, разумеется, деликатно молчал — рано мне еще было советы давать, а другие называли какие-то фамилии. Заместитель Попова Александр Иванович Гридчин, помнится, сказал:

— Надо бы найти прозаика уровня Гончарова. Но это практически невозможно. Так и разошлись, ничего не придумав.

А еще через несколько дней главный редактор снова собрал всех в своем кабинете. Объявил:

— В отдел культуры обкома партии позвонил Залыгин. Попросил принять к нам на прозу одного своего выпускника. Очень хорошо о нем отзывается. Тимофеев считает, что к Залыгину надо прислушаться.

Имя Сергея Павловича Залыгина — известного в стране прозаика и профессора Литературного института — было в то время настолько авторитетным, что заведующий отделом культуры обкома Евгений Алексеевич Тимофеев никак не мог проигнорировать его просьбу.

Гридчин поинтересовался у Попова:

— А фамилию этого выпускника Тимофеев назвал?

Попов заглянул в какие-то записи и сказал:

— Евсеенко.

Гридчин радостно всплеснул руками:

— Ваня Евсеенко? Я отлично его знаю! Лучшей кандидатуры нам не найти!

Выяснилось, что до Литинститута Евсеенко учился в Курском педагогическом, а Гридчин много раз принимал участие в совещаниях молодых литераторов, проводимых курянами. Там и познакомились.

Словом, вопрос о будущем редакторе отдела прозы журнала был решен. Кстати, впоследствии, когда Залыгин приезжал в Воронеж на Кольцовско-Никитинские дни литературы, я был свидетелем одной из его встреч с Иваном Евсеенко и понял, что Сергей Павлович действительно считал Ваню одним из лучших своих учеников, если не самым лучшим.

В редакции Иван Иванович появился ближе к концу лета, но к работе приступил не сразу. У него была семья, и надо было искать жилье. Оказалось это делом нелегким, на него ушло немало времени. Как-то прочитал у одного злопыхателя: мол, воронежским писателям приходилось ждать квартиру по многу лет, а этому пришлому выскочке Евсеенко дали сразу, как он только появился в Воронеже. Тут сразу две лжи. Во-первых, в ту пору воронежских писателей обеспечивали жильем безо всяких особых проблем. Литфонд СССР был богатой организацией и беспрепятственно выделял деньги на долевое участие в строительстве жилья любой писательской организации — по ее запросу. Во-вторых, Евсеенко, прежде чем получить квартиру, пришлось много лет ее снимать, оплачивая из собственной зарплаты.

Приступив к работе, он, самый молодой сотрудник редакции, как-то сразу стал задавать тон требовательного отношения к авторам и публикуемым на страницах журнала произведениям. В принципиальных вопросах ни на какие компромиссы не шел и мог открыто возмущаться даже тогда, когда какой-нибудь плохой рассказ или повесть оказывались поставленными в номер по воле самого главного редактора. С его мнением в редакции всегда считались. И совсем не потому, что его учителями были Залыгин и Евгений Носов. Всем было ясно: Евсеенко и сам вырастет в большого писателя, Об этом говорило не столько его литинститутское образование, сколько природная душевная образованность. Это подтверждала и первая его книжка повестей и рассказов, вышедшая в Воронеже в 1974 году с предисловием Сергея Залыгина. Мы радовались ей всем коллективом. А через два

года Ваня стал членом Союза писателей СССР. К тому времени он был автором уже двух книг: вторая под названием «Бревенчатый дом» (с предисловием Евсения Носова) вышла в Москве, в издательстве «Современник», в 1975-м. Помню, каким расстроенным был Ваня, получив сигнальный экземпляр этой книги. Дело в том, что ее редактор изменил название, не согласовав с автором. Евсеенко дал своей книге название «Маленький бревенчатый дом». В изданном варианте слово «маленький» исчезло. Мне и сейчас кажется, что название, которое дал книге Евсеенко, выглядело более привлекательным.

С приходом Евсеенко в «Подъём» отдел прозы журнала заметно преобразился. Появились новые авторы — как правило, молодые, но уже заметно заявившие о себе в литературе. Большой положительный резонанс имел журнальный номер, целиком состоящий из молодежной прозы. Его «благословил» своим вступительным словом Сергей Владимирович Михалков. О прозе журнала стала чаще писать центральная российская пресса. Понятно, что и интерес читателей к «Подъёму» неизменно возрастал.

Двенадцать лет, с 1979 по 1991 год, мы жили с Ваней в одном подъезде — я на пятом этаже, он на девятом. Виделись не только на работе, но и дома. За эти годы мы с ним еще больше подружились. Как писатель он жил по известному принципу «ни дня без строчки». С утра, до одиннадцати часов, он не принимал никаких звонков, ни с кем не обсуждал никаких вопросов. Он писал. А после одиннадцати занимался домашними делами. Любил постолярничать: пилил, строгал, благоустроивая свой быт и быт своей супруги Светланы Ефимовны, своих детей — Вани (тоже Ивана Ивановича Евсеенко!) и Светы.

Литературного бахвальства, игры «в классики» Евсеенко решительно не принимал. Он реагировал на них моментально. Вспоминается, как гораздо позднее, в июне 1995 года, в Якутске, в перерыве между заседаниями пленума правления Союза писателей России, я стал невольным свидетелем разговора Вани с местным прозаиком, его сокурником по Литинституту.

— Ваня, вот я останусь в якутской литературе! — гордо сказал сокурник. — А ты?

Евсеенко посмотрел на него в упор и не без ехидцы сказал:

— А я не останусь. Но — в русской!

Своей принадлежностью к русской литературе он очень дорожил. Украинец по национальности, Евсеенко был глубоко русским человеком по своей сути.

«Нас трудно обвинить в высокомерии, это не русская черта характера, — писал он в одной из статей, — но... отдавая дань уважения выдающимся талантам западноевропейской и американской литератур, таким писателям, как Хемингуэй, Стейнбек, Вулф, Маркес, Белль и другие, позволим себе заметить, что если этих писателей поставить в один ряд с их русскими ровесниками: Шолоховым, Платоновым, Леоновым, Булгаковым, то не уменьшатся ли они в размере и росте, сколько бы Нобелевских премий ни получали». Согласитесь: это евсеенковское «нас» о многом говорит.

На писательских собраниях, на встречах с читателями он постоянно подчеркивал, что русский писатель должен, как и его великие духовные предшественники, жить жизнью своего народа и писать его судьбу. Сам Евсеенко так и жил, так и работал.

Подлинный пример русского писателя он видел в Гоголе, который, по мнению Евсеенко, совершил подвиг: поставил перед собой «великую, почти религиозную и заведомо неисполнимую цель — исправить посредством слова и литературы погрязшего в грехах человека», а увидев, что цель эта неисполнима, пошел «на духовное распятие, на крест».

Конечно, свою Украину он любил так же, как и Россию. И горько переживал, понимая, что пропасть между ними стремительно растет. Помню, как он страдал, возвратившись из поездки на Украину в 1994 году. Тогда его пригласили в Киев и Николаев на празднование 180-летия со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Увидев собственными глазами, как украинцы делают Кобзаря символом своего противостояния с Россией, Ваня в сердцах заявил даже, что нельзя, недопустимо устанавливать памятник Шевченко в воронежской Россоши (в ту пору как раз появилась такая инициатива, не реализованная, впрочем, и до сих пор). С возмущением рассказывал мне об увиденном им «параде государственных флагов» стран, в которых живут украинцы. Среди множества таких флагов он еле обнаружил государственный флаг России, потому что разместили его в числе самых последних. Но больше всего его волновало то, о чем позднее он напишет так: «Не мог я преодолеть в себе горькую обиду, что не по моей вине и желанию малая моя родина стала вдруг как бы уже и не родиной, а чужой страной, зарубежьем. Ее у меня просто-напросто украли злые, чем-то похожие на Соловья-Разбойника люди».

А весной 1996 года мы побывали с ним на Украине вместе. Руководитель Черниговского отделения Союза писателей Украины Станислав Репях пригласил нас на литературный праздник, посвященной 105-й годовщине со дня рождения классика украинской советской литературы Павла Григорьевича Тычины. Ваня со Станиславом были земляками-черниговцами и хорошо знали друг друга, я же был знаком с Репяхом заочно, потому что годом раньше перевел на русский и опубликовал в «Подъёме» его интереснейшее документальное исследование «Мареве», посвященное взаимоотношениям Тараса Шевченко с женщинами. Праздник этот завершался встречами писателей с читателями сельских районов Черниговщины, и Ваня настойчиво просил организаторов, чтобы меня направили в общей с ним группе в его родной Щорский район. Нам пошли навстречу.

Город Щорс встретил нас хорошей погодой и доброжелательными улыбками. Выступали с Ваней в его родной украинской школе, а потом — в русской. Вместе с нами был украинский прозаик Александр Смоляк, Ванин земляк: они родились в одном селе. Оба они — и Евсеенко, и Смоляк — были своеобразными символами переплетения судеб русских и украинцев. Дело в том, что Евсеенко окончил украинскую школу, но стал русским писателем, Смоляк же учился в русской школе, но стал писателем украинским. Ко второй встрече к нам присоединилась сестра Ивана Ивановича — Таисия Ивановна Шкрюм, приехавшая на встречу с братом из Днепропетровска. Ее, врача по профессии, хорошо знали не только в Щорском районе, но и во всей Украине, Она была известным общественным деятелем, организатором движения солдатских матерей.

Еще одна встреча с нами состоялась в Щорской детской библиотеке. После этого у нас оказались два совершенно свободных дня, так как поезд Киев-Воронеж, которым мы должны были возвратиться домой, был в ходу уже не ежедневно, как в прежние времена. И на эти два дня Ваня пригласил меня в свое родное Займище. Побывали на могиле матери Ивана — известной и любимой в селе учительницы. На берегу реки Сновь, описанной во многих его книгах, он восторженно рассказывал мне о своих земляках. Не без гордости знакомил меня с Ушатями — родом, к которому по материнской линии принадлежал сам и предшественники которого постоянно упоминаются на страницах его рассказов и повестей. Радовался, как ребенок, показывая мне чернобрового аиста, устроившего гнездо посреди села, на телеграфном столбе, и бесконечно удивлялся, что эту птицу я вижу впервые в своей жизни. А в Щорском дворце культуры для нас пел большой и совершенно профессиональный хор села. Пел только для четверых: для Вани, его сестры Таси, Александра Смоляка и меня. Земляки любили Ваню так же горячо, как

любил их он. Достаточно сказать, что в Займищенском клубе есть музейная экспозиция о жизни и творчестве Евсеенко, земляки издали и посвященный ему библиографический справочник.

Концерт хора, который назывался «Спадщина», что по-русски означает «Наследие», лично мне очень понравился. По настроению же Ивана я понял, что он чем-то недоволен. Когда мы остались одни, скрыть своего недовольства он не смог.

— Понимаешь, этот хор в пятидесятые годы исполнял и русские, и украинские, и белорусские песни, — поделился Ваня воспоминаниями. — По-иному и быть не могло: ведь село наше было расположено на стыке трех республик. А сегодня... Да ты же сам слышал — только украинские песни поются. Какая же это спадщина, какое же наследие? Наше общее наследие — общие песни! А Украина об этом забывает. Умышленно?

Немного помолчав, добавил:

— Думаю, что Василий Иванович Полевик (руководитель хора. — *Е.Н.*) и сам все понимает. Но куда ж ему деваться? Пойдет по району слух об этом концерте, вызовут его в какой-нибудь высокий кабинет, и получит он такую нахлобучку!

В этой поездке чувства Вани были обострены до предела! Приведу еще один пример. Зашли мы с ним в гости к его родственникам. За гостеприимным столом шел обычный разговор. Я не обратил совершенно никакого внимания на одну, казалось бы, мелочь, которая Ваню очень задела. Расстраивать родственников он не стал, а мне в этот же вечер сказал:

— Тоскливо мне как-то. Понимаешь, в прежние мои приезды тетя Маня всегда спрашивала; «Как там дела у вас в Воронеже?» А сегодня спросила: «Как там дела у вас в России?» Я еле выдержал, чтобы не взорваться! Они же все ощущают себя уже отдельно — и от России, и от меня...

Позднее он напишет: «Порвана пуповина и между Украиной и Россией, тут не надо тешить себя ложными надеждами и мечтаниями. Побывав на могиле матери и уезжая назад в Россию, теперь каждый раз плачу я, а плачет ли по блудному своему сыну Украина, мне неизвестно. Скорее всего, если и плачет, но не очень горючими слезами... А ведь таких сыновей по всей России, по всему белому свету рассеяно многие миллионы. Соберет ли она их когда-нибудь вместе?! Похоже, что, в гордыне своей расставшись с Россией, не соберет. Не до того ей нынче...»

Но возвращаясь назад, в семидесятые годы. Однажды Евсеенко попросил меня прочитать рукопись его нового рассказа. Я прочитал, а кое-что и поправил: окончивший, как я уже сказал выше, украинскую школу, он иногда неоправданно употреблял в тексте украинские слова, путал в русских словах буквы «ы» и «и». Высказал ему и свое мнение о рассказе. С тех пор я стал, как он сам неоднократно утверждал, его первочитателем. По утверждению Вани, все его рассказы и повести я читал раньше других, а иногда вторым — после дочери Светланы. Однажды во время обсуждения на писательском «литературном вторнике» одного из произведений Евсеенко прозвучала какая-то бездоказательная критика в его адрес. Ваня незамедлительно ответил критикану:

— Здесь есть люди, литературным вкусом которых я доверяю больше, чем вашим! — и указал в мою сторону, порядком меня смутив.

Он всегда, надрывая свое сердце, чутко реагировал на все, что казалось ему выходящим за пределы норм человеческого общения. Однажды под его горячую руку попал даже авторитетный Егор Исаев. Пользуясь своими хорошими отношениями с воронежским губернатором, Егор Александрович позвонил ему и решил один из спорных вопросов явно не на пользу воронежской литературе. Вскоре после этого мы с Евсеенко оказались в Москве, в храме Христа Спасителя, где проходил очередной Всемирный Русский Народный Собор. Стоим с ним в фойе зала церков-

ных соборов и видим, что к нам, раскрыв объятия, приближается Исаев. Когда он протянул нам свои руки, Ваня неожиданно отрезал:

— А я тебе своей руки не подам!

Егор Александрович опешил от недоумения. А Евсеенко повернулся и ушел.

Надо сказать, что Ваня с самого начала работы в «Подъёме» показал себя как человек довольно острый на язык. Одна из первых его шуток была связана с тем, что у Виктора Михайловича Попова практически не было волос на голове. Когда мы всей редакцией собирались за праздничным столом или отмечали выход книги кого-нибудь из нас, Евсеенко непременно произносил свой коронный тост:

— Пусть больше ни один волос не выпадет с головы главного редактора!

Когда на этом посту Попова сменил я, тост Ивана видоизменился:

— Пусть больше ни один волос не поседет на голове главного редактора!

Можете себе представить, как выглядела к тому времени моя голова, если он по этому поводу шутил.

Он шутил даже над собой, написав на себя эпиграмму:

У Евсеенко Ивана
Никакого нет изъяна.
У него один изъян:
Он Евсеенко Иван!

В нашей писательской организации в свое время была стенгазета под названием «Подкова», возникшая по инициативе Владимира Григорьевича Гордейчева (сам он и рассказал о ней в своей книге «Памятные страницы», вышедшей в 1987 году в Воронеже). Каждый мог оставить в ней любую шутку или эпиграмму. Со временем стенгазета перестала существовать, но ее традиции еще долго жили в устном варианте. Немалый успех имела так называемая «Поэма прихода», в которой первая строка каждого четверостишия начиналась со слов «приходил» или «приходила». Например: «Приходил к нам Троепольский...». Или: «Приходила поэтесса...» Одно из четверостиший принадеждало Евсеенко. В нем он обыграл тот факт, что многих прозаиков, приносивших свои рукописи в отдел прозы «Подъёма» звали Иванами (Иван Сидельников, Иван Матюшин и т.д.), а редактор отдела тоже был Иваном:

Приходил вчера Иван,
Приносил нам свой роман.
Посидел с часок с Иваном —
И пошел назад с романом!

В устной речи вместо «назад» обычно употреблялось более крепкое словечко.

В писательском мире слишком много тех, кто не имеет понятия о своем реальном месте в литературе. Многие, издав одну-две книжки, уже мнят себя гениями. Совсем не преувеличиваю. Мне сотни раз приходилось бывать на всевозможных обсуждениях, презентациях и тому подобное. Прочтет автор весьма посредственное произведение, а друзья уже восклицают:

— Гениально!

И автор принимает это как должное.

Однажды позвонил мне один такой коллега:

— Слышал, что Евсеенко получил очередную премию?

Конечно, я узнавал обо всех литературных наградах Евсеенко одним из первых, потому что Ваня своими радостями спешил поделиться с друзьями: со мной, с Виктором Будаковым, с Виктором Никитиным.

— Как считаешь: заслуженно ли он ее получил? — не унимался коллега.

Объяснил ему, как смог, что Евсеенко достоин и куда более весомого признания.

— А я с тобой не согласен! — заявил мой собеседник. — Вот я написал великолепный рассказ, послал его Ивану, а он мне его вернул!

Такие «аргументы» или подобные им ходили вокруг имени писателя десятками. Более того, на него писали всевозможные доносы, как говорится, «от Москвы до самых до окраин»: то Президенту, то председателю Союза писателей, то губернатору. А еще раньше — то Генеральному секретарю ЦК, то первому секретарю обкома... Писали и анонимно, и открыто. Вспоминается, как один курянин написал в обком партии жалобу, в которой утверждал: я, мол, привез Евсеенко две бутылки водки, а он печатать мой роман не стал. Я к тому времени был уже главным редактором журнала, сменив на этом посту Виктора Михайловича Попова. Поэтому по поводу этой жалобы именно меня вызвали в отдел культуры обкома. Заведующий отделом Александр Сергеевич Синицын протянул мне эту «телегу», а когда я ее прочитал, спросил:

— Что будем делать?

Я сказал, что доверяю Ивану Ивановичу полностью и в правильности его решения не сомневаюсь.

— Я понимаю, — сказал Синицын. — Но и ты меня пойми: ведь в жалобе говорится о водке. Автор же на взятку намекает!

— Да чушь все это! — возмутился я.

— Ладно, — согласился он. — Пусть Евсеенко напишет объяснительную, и мы это дело закроем...

Вернулся я в редакцию, рассказал обо всем Ивану. Он вспыхнул:

— Ничего писать не буду!

Я хорошо знал его характер, поэтому молча ушел в свой кабинет, уверенный, что через несколько минут Ваня эту злосчастную объяснительную мне принесет. И оказался прав. Он зашел ко мне, усмехаясь, и подал вот что:

«Главному редактору журнала «Подъём» Е.Г. Новичихину. Объяснительная. Объясняю, что я взятков никогда не брал и не беру, особенно водкой. И. Евсеенко».

Эту «объяснительную» я и отнес в обком.

В этом «объяснении» он весь. В самом деле, не объяснять же всерьез, почему он вернул рукопись графоману, если этот графоман даже предложил с ним выпить! Кстати, с водкой Ваня даже в молодые годы не очень-то дружил.

Один такой графоман до сих пор уверен, что это именно он своими доносами снял Евсеенко с поста главного редактора в 2006 году. Даже бахвалится этим в Интернете. Слава Богу, в наше время уже никто не принимает доносы всерьез. А уход Евсеенко из редакции был связан совсем с другими причинами.

Я же ушел с поста главного редактора в начале 1993 года, полностью разувшись в возможности проводить независимую литературную политику в условиях нагрянувшей «экономической цензуры». Новым местом моей службы стал Воронежский областной литературный музей имени И.С. Никитина, куда меня назначили директором. Конечно, Ваня был раздосадован моим уходом. Ведь мы с ним проработали бок о бок два десятка лет. По поводу моего ухода он съязвил эпиграммой:

Ты был Евгений из Евгениев!
Ну а теперь ты — экспонат.
И на тебя с большим сомнением
Кольцов с Никитиным глядят...

А при встречах неоднократно шутил:

— Возьми меня на работу в музей... экспонатом! Представляешь, сижу я в музейном зале, а передо мною табличка: «Живой писатель. Руками не трогать!». Разве не интересно будет такое посетителям?

Не знаю, уж витала ли эта идея в воздухе, или Ваня поделился ею с Эдуардом Лимоновым (они были хорошо знакомы), но позднее, на выставке, посвященной творчеству последнего (она проходила в Москве, в Политехническом музее), Лимонов сидел в выставочном зале, а перед ним висела табличка: «С экспонатом не разговаривать!»

Главным редактором «Подъёма» Евсеенко стал в 1997 году не без моего участия. В то время я уже возглавлял комитет по культуре администрации Воронежской области. Экономическая ситуация в «Подъёме» была что называется аховая, журнал погибал. Глава области Иван Михайлович Шабанов, несмотря на труднейшую ситуацию с бюджетом, откликнулся на просьбы редакции и комитета по культуре: «Подъём» изменил статус, став (впервые в стране!) государственным учреждением культуры. Решение по назначению главного редактора должен был принять я, и у меня, признаться, не было никаких раздумий: на этом посту мне не виделась ни одна кандидатура, кроме Ивана Евсеенко. Он согласился, попросив, правда, вменить в его обязанности только творческие вопросы, освободив от административно-хозяйственных.

— Я в этом деле профан, — честно признался он.

И тогда я своим приказом разделил в редакции административно-хозяйственные и творческие функции, введя в штатное расписание «Подъёма» должность директора. Им стал Александр Голубев.

О своем решении я никогда не пожалел. И в качестве главного редактора Евсеенко оказался на высоте.

Однажды Ваня меня весьма удивил. Еще в пору нашего знакомства мы разговаривали с ним как-то о том, как война вошла в наши судьбы. Он рассказал о своем погибшем отце. А я поведал ему о давней трагедии: немцы, отступая из нашего села, облили бензином и забросали гранатами подвал, в котором родители укрыли от бомб, снарядов и пуль полтора десятка детишек. Я и сам, вместе со старшим братом, сидел в том подвале, но за несколько минут до трагедии мама увела нас домой с мыслью: «Погибать — так вместе...» Я и не думал, что Евсеенко будет целых сорок лет держать эту историю в своей голове! Его повесть «Дмитриевская суббота» навеяна как раз этим моим рассказом, о чем он неоднократно — и устно, и печатно — говорил и коллегам по перу, и читателям.

Я прочитал все, что написано Иваном Ивановичем Евсеенко. Писатель он редкий, большой. Он был подлинным радетелем русского слова, свято берег традиции отечественной прозы. Но не только берег. Он их и развивал. Совсем не случайно Сергей Чупринин, размышляя о повести Евсеенко «Однодворец Калашников», писал в «Литературной газете»: «Есть ли в русской литературе аналоги подобного рода прозе?»

Жаль, что при жизни Ивана Евсеенко многие не понимали его огромного писательского масштаба. Думаю, что этого не понимали и воронежские власти. Накануне 50-летия Союза писателей России на имя губернатора области В.Г. Кулакова пришло письмо за подписью председателя Союза писателей России Валерия Ганичева. В нем руководитель Союза просил администрацию области инициировать награждение Ивана Евсеенко орденом Почета за заслуги в развитии отечественной литературы. Никаких результатов не последовало.

Летом 2014 года, когда он уже тяжело болел, мы несколько раз сидели с ним вдвоем на скамеечке во дворе его дома. Говорили о жизни, о литературе, о событи-

ях на Украине, которые он не мог не принимать близко к сердцу. В те дни Ваня был полон оптимизма и надежды на то, что справится со своим нелегким недугом. Но недели за три до смерти в телефонном разговоре сказал мне: «Все, Женя. Мне пора собираться...» Попробовал его успокоить. Но какие слова тут можно подобрать?

На прощание с Ваней из местного начальства пришел только депутат областной Думы Сергей Иванович Рудаков. Он, доктор философских наук, конечно же, понимал, что значит имя Ивана Евсеенко для русской литературы, для чести и гордости области. Никто больше до этого не додумался.

...Кем и чем был для него я, он понял гораздо раньше, чем я понял, кем и чем для меня был он. На своей последней книге «Затаив дыхание...» он оставил такой автограф:

«Дорогой Женя! Большое тебе спасибо за все, что ты сделал для меня в жизни! И. Евсеенко. 23.04.2013 г.»

А что, собственно говоря, я для него сделал? За что он меня благодарил? Ну, назначил я его главным редактором журнала... Ну, нашел спонсора для издания его маленькой повести в серии «Воронежские писатели: XXI век»... Ну, стал он по моей инициативе первым лауреатом премии Воронежского отделения Союза писателей «В прекрасном и яростном мире»... Ну, написал и опубликовал я несколько рецензий на его книги... Так ведь все это такие мелочи по сравнению с его огромным талантом! Нет, не об этом его автограф. Этими словами он оценил нашу с ним дружбу.

Прости, Ваня, что я поблагодарить тебя за эту дружбу не успел...

